

Вадим РОЗИН

Эзотерический мир

Этот термин сегодня распространен достаточно широко, но, естественно, каждый вкладывает в него свой смысл. Буквальное значение слова эзотерический — «тайное», «сокрытое» (знание, учение). Однако в настоящее время это слово чаще используется для обозначения определенной традиции мысли, определенного мироощущения¹. Эзотерическое в противоположность экзотерическому, эзотерический путь спасения в противоположность традиционным путям религиозного спасения или светскому жизненному пути человека. Эзотерическое знание, эзотерическое учение, эзотерическая личность — за этими выражениями угадываются другая культура, другой идеал человека, другая антропология.

Лично я познакомился с эзотерической литературой в 60—70-х годах в период второй эзотерической волны (первая относится к началу века). В тот период самиздатским путем распространялись замечательные тексты Кришнамурти, Шри Ауробиндо Гхоша, Г. Гурджиева, П. Успенского, Рудольфа Штейнера, Елены Рерих, Карлоса Кастанеды, Даниила Андреева, Д. Судзуки, А. Уотса и др. В определенных слоях советской интеллигенции и городского населения складывались, действовали (год-два, не больше) и умирали эзотерические кружки, где изучались эти тексты и практиковали эзотерический образ жизни, но чаще, конечно, нечто, его напоминающее, подражание ему. Уже тогда я почувствовал на себе влияние не только эзотерических учений, но и их творцов, «гениев эзотеризма», как я их назвал позднее, в период чтения лекций по эзотерическим учениям (они проходили сначала на квартире моего друга-эзотерика Вадима Конжукова, затем, в эпоху перестройки, при достаточно большом стечении народа в «Театре на досках»).

Фигуры Рамакришны, Кришнамурти, Д. Андреева, Гурджиева, Шри Ауробиндо Гхоша и других гениев эзотеризма поражали масштабностью личности, необычностью выбранного ими жизненного пути. Гении эзотеризма демонстрировали сверхчеловеческие, фантастические возможности изменения своей духовности и телесности, описывали в своих учениях необычные, «эзотерические», состояния и миры, куда они проникали в результате такого изменения. К эзотерикам меня привлекала их страстная критика традиционной новоевропейской культуры и ценностей — власти, успеха,

¹ Задавая читателю вопрос о причине сходства учения Платона с миропониманием древних, П. Флоренский отвечает: «Эзотеризм Платоновской школы». Он понимает здесь эзотеризм именно в смысле мироощущения (Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма. «Философские науки», 1991, № 1, с. 119).

конкуренции, личности, разума и т. д., независимость их жизненной траектории от культурных традиций, возможность самостоятельно выстроить свою жизнь, дух, тело, реализовать самые невероятные идеалы. Настораживала некоторая фантастичность этих идеалов и миров, а также уход эзотериков из обычной культуры и жизни.

В тот период мне казалось, что гений эзотеризма — это совершенно необычный человек, даже уже не человек. Действительно, Шри Ауробиндо Гхош, например, называл людей, до конца прошедших эзотерическим путем, «гностическими существами», считая, что они достигают практического бессмертия, сливаются со Вселенной, могут трансформировать боль и страдание в непрерывное наслаждение и радость, превосходящие все на свете. Правда, смущала фигура Кришнамурти. На фоне других эзотерических гениев он явно стоял особняком, был, так сказать, обычен, человечен, хотя по всем остальным параметрам — яркий гений эзотеризма.

Реальность, которую Кришнамурти осваивал, хотя и была эзотерической, но и весьма личностной, психологической. Именно обдумывание личности Кришнамурти заставило вспомнить нашего замечательного философа Н. Бердяева и взглянуть на него под не совсем обычным углом зрения. В своих личностных установах и мироощущении Кришнамурти и Бердяев очень схожи: оба распредмечивали реалии новоевропейского сознания (хотя по-разному), оба старались обрести истинную реальность, важными чертами которой являлись категории свободы, индивидуального сознания, света, идеального бытия (правды, красоты, истины, духовности и т. п.). Но ведь Бердяев — уже совсем обычный человек, хотя и замечательный мыслитель, философ.

Я стал обдумывать, что же собой представляет гений эзотеризма и нельзя ли говорить об «эзотерической личности» как более широком понятии, включающем в себя и собственно гениев эзотеризма и, скажем, Бердяева или А. Швейцера. Но сказав «а», приходится говорить и «б»: если Бердяев и Швейцер — эзотерические личности, то и Сократ — эзотерическая личность; если трактат-поэма «Роза мира» — эзотерическое учение, то, может быть, творчество Бердяева или Швейцера — тоже эзотерическое в каком-то другом, более широком понимании?

Последним толчком для изменения моего понимания эзотеризма послужила работа Л. Баткина «Письма Элоизы к Абеляру, личное чувство и его культурное опосредование»². К своему стыду я не знал этой замечательной, красивой и одновременно печальной истории, волновавшей не одно поколение влюбленных и мыслителей. Страстная любовь знаменитого философа, магистра Абеляра и юной, обладающей редкими способностями к наукам, семнадцатилетней Элоизы, как известно, закончилась трагично. Родители Элоизы, решив, что Абеляр обесчестил Элоизу (хотя они и обвенчались) и затем «грубо обманул их, отдав Элоизу в монахини, желая от нее отделаться», проникли ночью в спальню магистра и оскопили его. И вот, будучи оба в постриге (он — аббат в Бретани, она — настоятельница монастыря в Аржентейле), они через 26 лет начинают знаменитую переписку. Элоиза жаждет любви, утешения и наставления. Абеляр увещевает ее, напоминая, что они оба монахи, у нее долг перед Богом, что «оскопление избавило его от того, чем он грешил, и явилось божьей милостью ко благу их обоих»³.

Читая полные страсти письма Элоизы, я недоумевал: что собственно она хочет от своего бывшего оскопленного мужа, какой любви? В конце концов, кажется, мне удалось это понять, правда, если только чувства и переживания Элоизы поместить в особое идеальное эзотерическое пространство. Баткин показывает, что Элоиза в своих письмах обращается не только

² См. «Человек и культура». М., 1990.

³ Баткин Л. Письма Элоизы к Абеляру, личное чувство и его культурное опосредование. «Человек и культура», с. 146.

к Абельяру, но, погружая все в контекст реминисценций из «Песни Песней», невольно превращает Абельяра в царя Соломона. В других же местах ее писем образ Абельяра сливается с образом Христа. Соответственно, себя Элоиза ощущает то Суламифью, то христовой невестой. «Все это, — пишет Баткин, — проникает друг в друга; к духомтку она обращается как любовница, к мужу как духовная дочь и к ним обоим, словно она — Суламифь, трепещущая на ложе в ожидании Соломона-Христа»⁴.

Второй момент, не менее важный, — это то, что Баткин называет «прорывом Элоизы в индивидуальное самосознание», который произошел лишь благодаря слиянию частного с интимно и неожиданно преображенной всеобщностью»⁵. Баткин подчеркивает, что необычное для средних веков раскрытие индивидуальности Элоизы совершается не в ходе ее развития и воспитания, а в процессе творчества, в процессе переписки. «Индивидуальность Элоизы существует не до текста, не в виде бытовой психологической данности. Правильней было бы сказать, что ее индивидуальность сама возникает и оформляется по ходу смыслового движения текста, из предельного, культурного усилия. Элоиза, конечно, тщательно обдумывает каждое слово — по правилам и по внушению непосредственного чувства. Она творит эти письма. Но результат получается непредвиденный. Письма творят Элоизу»⁶.

Продумывая исследование Баткина, я понял, что эзотерическая реальность — это не обязательно фантастический или мистический мир⁷. Эзотерической является любая реальность, вводящая в идеальный мир (это может быть даже мир разбегающихся галактик или фантастический мир литературного произведения). Эзотерической она становится не по содержанию, а посредством реализации, предполагающей индивидуальный путь, индивидуальное творчество, особые установки и устремления индивида. Эзотерическая личность живет тем, что проникает в эзотерический мир, одновременно она творит его, создавая и уясняя эзотерическое учение⁸.

Классический вариант эзотеризма

Вернемся теперь к текстам Шри Ауробиндо Гхоша, Р. Штейнера, Гурджиева, Е. Рерих, Д. Андреева. Их творцы исходят из идеи двух реальностей — обычной, оцениваемой как Майя, иллюзия сознания, и истинной, эзотерической (каждый гений эзотеризма утверждает свою эзотерическую реальность)⁹. Назначение человека, убеждены гении эзотеризма, — пройти путь, в конце которого находится истинный, эзотерический мир; условием этого является кардинальное изменение своего существа, работа над его

⁴ Там же, с. 153.

⁵ Там же, с. 149—150.

⁶ Там же, с. 150—151.

⁷ Например, в эзотерическом мире Рудольфа Штейнера на равных правах живут как обычные, духовные люди, так и их чувства и переживания (в виде особых стихий и существ духовного мира), и даже Христос с ангелами. В эзотерическом мире Д. Андреева помимо людей встречаются еще более экзотические существа: Сатана, имеющий три ужасных облика, «уицраоры» (демоны великодержавной государственности). Антихрист, Планетарный Логос, Соборные души народов, служители ада (черты, «фаруги», «игвы»), живые прообразы великих произведений искусства и многое другое. Андреев Д. Роза Мира. М., 1991.

⁸ Ср.: в XX в., пишет М. Мамардашвили, «отчетливо поняли старую истину, что роман, текст есть нечто такое, в лоне чего впервые рождается и автор этого текста как личность, и как живой человек... то, что он написал, есть то лоно, в котором он стал впервые действительным «Я», в том числе от чего-то освободился и прошел какой-то путь посредством текста». См. «Литературная критика как акт чтения». Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990, с. 158.

⁹ «Все-все что ни видит взор, — пишет П. Флоренский, — все имеет свое тайное значение, двойное существование и иную, зампирическую сущность. Все причастно иному миру: во всем иной мир отображает свой отпечаток». Указ. соч., с. 106.

трансформацией. Для гения эзотеризма характерны: устремленность к эзотерическому миру как конечной жизненной цели, приверженность к идеальным формам жизни (Платон бы сказал — приверженность к идеям), известный аскетизм жизни, работа над собой, установка на кардинальное изменение себя, горение и напряжение души.

Эзотерическая жизнь включает в себя, с одной стороны, разработку эзотерического учения или освоение его (у последователей, учеников, адептов), с другой — психотехническую работу: отказ от желаний, отклоняющих эзотерика с его пути, культивирование эзотерического учения (его идей, видения, онтологии), достижение особых состояний сознания, погружающих, вводящих в эзотерический мир. На последнем нужно остановиться особо, именно здесь проявляется, так сказать, гениальность гениев эзотеризма. Внешне это всегда какая-то психотехника — йога, медитация, мантры, специальные техники (например, описанные Кастанедой в «Дон Хуане» прием психотропных растений, разные формы концентрации сознания и зренья, управление сновидениями и т. д.). Для самого эзотерика — это жизнь, путь, ведущие из этого мира в мир истинный.

Для меня же здесь открылся удивительный феномен: свертывая, подавляя реальности и желания, не отвечающие эзотерическому учению, культивируя идеи этого учения, реализуя психотехнику (не в качестве самоцели, а именно для достижения эзотерической реальности), гении эзотеризма добиваются возможности не зависеть от впечатлений и событий внешнего мира, с одной стороны, и актуализовать свой внутренний мир и желания (которые, заметим, насквозь стали эзотерическими) в качестве полноценной реальности — с другой. В результате гении эзотеризма в буквальном смысле попадают в эзотерический мир, который для них занимает место внешнего мира.

Жанр этой статьи не позволяет вдаваться в обсуждение психологического механизма этого явления. Укажу лишь, что природа нашего восприятия мира (ощущение того, где мы пребываем) определяется не столько внешними впечатлениями от предметов, сколько нашим внутренним опытом (т. е. предварительным восприятием этих предметов, знаниями о них, деятельностью с ними). Кроме того — это неоднократно подчеркивал П. Флоренский — восприятие человека носит символический характер. Так вот, в эзотерической практике под влиянием психотехнической работы роль впечатлений от внешних предметов постепенно сводится к нулю: их заменяют воспоминания соответствующих переживаний, подкрепленные специальными психотехническими установками сознания (требование лишь по желанию полноценно видеть, слышать, отгущать предмет, не имея его). Эта символическая установка в конце концов приводит к полноценной актуализации внутреннего опыта, и человек начинает проживать (видеть, слышать, ощущать) события, отвечающие этому опыту¹⁰. Сходное переживание событий имеет и во сне (известный каждому феномен сновидений), но в эзотерической практике

¹⁰ Как правило, на формирование этой способности эзотерики тратят не один десяток лет. Но встречаются натуры, гениально восприимчивые к подобному опыту (например, Рамакришна), или ситуации, экстремальные для жизни и существования. Одну из таких гениальных натур и ситуаций описывает И. Бердяев. «Акимушка, — пишет Бердяев, — рассказал мне однажды о необыкновенном событии, происшедшем с ним, когда он был мальчиком. Он был пастухом и пас стадо. И вдруг у него явилась мысль, что Бога нет. Тогда солнце начало меркнуть, и он погрузился в тьму. Он почувствовал, что если Бога нет, то и ничего нет, есть лишь «ничто» и тьма. Он как будто бы совершенно ослеп. Потом в глубине «ничто» и тьмы вдруг начал загораться свет, он вновь поверил, что есть Бог, «ничто» превратилось в мир, ярко освещенный солнцем, все восстановилось в новом свете». Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, 1952.

актуализуемый внутренний опыт специально формируется, он должен отвечать эзотерическому учению. Другое отличие — человек не засыпает, а лишь погружается в особое снапоподобное, медитативное состояние, в котором сознание предельно активно (напротив, в обычном сновидении сознание или полностью отсутствует, тогда нам кажется, что снов не было вообще, или же сознание задействовано в небольшой степени, в эти периоды мы «видим» свои сны).

Но вернемся к гению эзотеризма, для которого внутренний мир стал внешним. Конечно, кто-то может сказать, что такие люди «летят в себя», свихнулись на почве эзотеризма («рехнулись», как иногда шуты). Но лично для меня уже достаточно давно стало понятным, что для психики одинаково реальны и наши сны, и наши фантазии, и впечатления обычного мира¹¹. Другое дело практическая жизнь, экономика, деятельность. Однако сводится ли наша жизнь к этим прагматическим материям? Разве мы не пребываем главным образом в мире книг, музыки, фантазий, воспоминаний, и, кстати, разве наша практическая жизнь и деятельность не руководствуются часто весьма абстрактными соображениями и идеями?

Мы пребываем в мире книг, музыки и воспоминаний, а гении эзотеризма — в мире своих учений, мы тратим свою жизнь на удовлетворение своих многочисленных желаний, комфорт и преобразование природы, а гении эзотеризма — на преобразование всего лишь себя и удовлетворение только одного желания — но зато какого! — обретения эзотерической реальности. Чем же она так привлекает эзотериков?

Эзотерическая реальность вводит человека в родственный, органичный ему мир, в «мир для него», в этом мире реализуются и осуществляются самые сокровенные его мечты и устремления (одни эзотерики обретают практическое бессмертие, гармонию, силу, другие — свет и духовность, третьи — необычные возможности, могут летать как птицы, быть одновременно здесь и там, проходить сквозь стены, переноситься в прошлое или будущее и т. д., четвертые обретают Бога, пятые приобщаются к элите сверхсуществ и т. д. и т. п.). Подчеркну еще раз: титанические усилия гения эзотеризма, часто затрачивающего на реализацию своей идеи фикс десятки лет жизни, приводят к такой трансформации его духа и тела, его психической организации, когда внешний, обычный мир становится ненужным, а мир внутренний расширяется до масштаба внешнего и, главное, по сути становится миром внешним (и одновременно остается внутренним). В классическом варианте эзотеризма действительно реализуется, причем на индивидуальной основе, идея спасения (не в христианском, а в эзотерическом понимании), именно это и вызывает удивление, а иногда и зависть: они спаслись, а ты... Но тут же приходит сомнение: спаслись, но какой ценой? Цена — отказ от всех желаний, активности, участия в обычной жизни; спаслись, но одни; спаслись, а жизнь вокруг не стала лучше.

В классическом варианте эзотеризма парадоксально переплелись идеи учения Будды¹² и новоевропейские психологические представления о чело-

¹¹ Ср.: Пруст, пишет Мамардашвили, понял, «что так называемая "романтическая фикция"» (можно присвокупить сюда и теоретическую, поэтическую и т. п. фикции) прямо связана с изначальным, жизненным для человека смыслом, что искусство словесного построения есть способ существования истины, действительности и что ее нельзя внушить научением и она не пред-существует в готовом виде». Мамардашвили М. К. Указ соч., с. 157-й

¹² Будда, по сути, был одним из первых представителей эзотерической мысли, а его учение было не религиозным, а эзотерическим. «Таковы,— пишет известный исследователь буддизма Ф. Шербатской,— основные идеи буддизма, господствовавшие на протяжении первого периода его истории, «первого поворота Колеса Закона». Едва ли можно сказать, что все это представляет систему религии. Наиболее религиозная сторона раннего буддизма — его учение о пути — в высшей степени человечна. Человек достигает спасения собственными усилиями, посредством своего морального и интеллектуального совершенствования. Следует также иметь в виду, что в буддизме того времени культовая сторона не имела большого значения». Шербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988, с. 60.

веке. Прежде всего это идея, идущая от древнейших учений брахманизма, что истинное знание спасает от смерти. Будда ее трансформировал в идею избавления от страданий. «Знающий» меняет форму своего бытия, оказываясь за порогом не только жизни и смерти, но и вечных страданий. Не менее важная идея, точнее, целое мировоззрение — представление всего (и мира, и человека) как подчиняющегося вечным метафизическим законам. Здесь, с одной стороны, законы физической и нравственной причинности, известный закон «кармы», с другой — энергетическая и механическая интерпретация явлений¹³. Соединение этих двух идей на основе психопрактики йоги и привело к изобретению эзотерической идеи спасения.

Смысл ее в следующем. Человек должен исходить из истинного знания, из так называемых «четырёх благородных истин»: *жизнь—страдание; к страданиям ведут желания и страсти; цель спасения — уход от страданий или обретение Нирваны; есть путь, когда энергии, образующие жизнь и страдание, угасают*. Далее, человек должен освободиться от желаний, для этого служит помощь йоги и монашеский образ жизни. Если эти два условия выполнены, монах переходит в другую форму бытия, где нет страданий, как, впрочем, и ничего другого. И все же кое-что остается — некая квинтэссенция индивидуальности, сознания, ради которой и предпринимались все усилия по спасению, иначе что было бы спасать? Однако — неоднократно говорил Будда — это не тело, не ощущения, не мысли, не душа. Именно квинтэссенция индивидуальности. В этом смысле можно сказать, что уже первое эзотерическое учение провозглашало индивидуальное существование, индивидуальный путь овладения высшими ценностями жизни, высшей реальностью. Недаром Будда называл себя учителем всех людей и богов. Однако, в отличие от европейского понимания индивидуальности тесно связанного с понятием личности, «Я», восточное, эзотерическое понимание акцентирует идею пути и достижения таких состояний сознания, где индивидуальность растворяется во всем существующем; в этом смысле в конце пути происходит отказ от индивидуальности или, напротив, индивидуализация всего.

Психология конца XIX—начала XX столетия помогла действующим в то время гениям эзотеризма переосмыслить эзотерическую идею на современный, почти естественнонаучный лад. Истинное знание стало пониматься как психотехническое, смена форм бытия как трансформация психической природы человека, индивидуальность человека, идущего эзотерическим путем, как эзотерическая личность. Тем не менее, несмотря на квазипсихологический облик классических эзотерических учений (в некоторых из них есть целые психологические разделы), «буддистские уши» выглядят как в механистически-энергетических интерпретациях эзотерической реальности, так и в восточной идее индивидуальности.

¹³ «Подобно тому как философия упанишад провозглашает, что вселенная — суть единое целое, «одно без второго», что субъект и объект, Я и Мир, индивидуальная душа и душа Вселенной сливаются в одном и том же единстве, буддизм с не меньшей решительностью заявляет, что реального единства не существует вообще, что каждая вещь дискретна и распадается на бесконечное множество мельчайших элементов, что индивид представляет собой совокупность физических и психических элементов, за которыми нет никакой реальной души, и что внешний мир является агрегатом непостоянных элементов, за которыми также нет никакой вечной материи. Это положение представляет вторую характерную особенность раннего буддизма: нет материи, нет субстанции, существуют только отдельные элементы, мгновенные вспышки действительной энергии, без какой-либо субстанции, постоянное становление, поток экзистенциальных моментов». Щербат-к о й Ф. И. Указ. соч., с. 57, 74—75.

Соотношение религиозной и эзотерической идей

Учение Будды, как я уже отмечал, было эзотерическим. Позднее, с появлением учения о коллективном теле Будды и соборном спасении, сложился буддизм уже как мировая религия. Много веков спустя от буддизма отслоились новые эзотерические учения, одно из последних — дзенбуддизм. Сходная картина характерна для христианства и мусульманства. Действительно, история Христа, изложенная в Новом завете — это яркое эзотерическое учение, да и последующие общины ранних христиан — типичные эзотерические сообщества. Затем постепенно формируется христианство как мировая религия. Опять же через несколько веков (в XIV в.) в Византии и позднее на Руси в лоне христианства складывается исихазм, представляющий собой эзотерическое учение. Примерно в тот же период в мусульманской религии формируется такое эзотерическое учение, как суфизм.

Напрашивается следующая гипотеза: религиозная и эзотерическая идеи дополнительные, все религии начинаются с эзотеризма и далее в лоне каждой религии рождаются новые эзотерические учения. Наблюдения показывают, что при этом имеют место интересные особенности. Чтобы на основе эзотерической идеи и культуры сложилась религия, индивидуальный путь спасения должен быть подвергнут критике и вытеснен идеей коллективного, соборного спасения. Метафизическая картина мира должна быть переосмыслена и заменена на собственно религиозную, с выдвижением на первый план реальности Бога. Наконец, идея пути заменяется на идею религиозного спасения.

Напротив, при возникновении в лоне религии эзотерического учения происходят противоположные трансформации и переосмысления. Перемещаются акценты: с идеи религиозного спасения на идею пути (например, в исихазме на идеи умной молитвы, умного делания, молчаливости), с идеи Бога на идеи метафизического характера (Фаворского света), с идеи коллективного спасения на идею индивидуального подвижничества (возможность избранным еще при жизни «обожиться и душой и телом») ¹⁴. Кажется, какая разница, что является последней реальностью — Бог или Фаворский свет, Бог или движение к нему? А различие есть и большое: в первом случае все подпадает (в конечном счете и Бог) под метафизические, почти природные законы, во втором — законы, причем любые, устанавливает Бог и только он. В эзотерическом мире Р. Штейнера находится место и Христу, но не более того. В эзотерическом мире Д. Андреева сосуществуют на равных как провиденциальные действия Христа, так и метафизические мировые законы: рождения монад, кармы, борьбы светлых и темных сил и т. д.

Сравнение эзотерической идеи с религиозной заставляет поставить вопрос о природе индивидуальности, с одной стороны, и сущности Бога — с другой. Как правило, в эзотерических учениях, вышедших из лона религии, различаются два этапа пути: движение к Богу и слияние с ним (чаще всего понимаемое мистически) ¹⁵. В процессе слияния эзотерическая личность

¹⁴ «...обожиться не только душой, умом, но и телом, стать богом по благодати и постичь весь мир изнутри — как единство, а не как множественность, ибо только благодаря этой энергии едим столь дробный и множественный в своих формах земной мир». Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. «Литературные связи древних славян». Т. XXIII. ТОДРЛ, 1968, с. 92.

¹⁵ Например, в исихазме разрабатывается «теория» устремления к Богу и «теория» соединения с ним. Теория устремления говорит о переустройстве, преобразовании всего существа подвижника, когда над всем должна совершаться духовная, умственная работа (сюда же входит борьба со страстями и практика покаяния). Теория соединения трактует соединение человеческих энергий с божественными. Это соединение понимается не как простой акт, а как необъективированные, неустанные действия обладания и утраты благодати. Ничто не дается как окончательное достижение, а должно открываться вновь и вновь, постигаться каждый раз заново.

переживает необычные, экстатические состояния (любви, божественного тепла и света, единения со Вселенной и всеми людьми и т. п.) и при этом как бы совпадает с Богом. Не вскрывает ли подобное слияние человеческую, индивидуальную составляющую в природе Божества и божественную подоснову индивидуальной души человека?¹⁶

Различие же эзотерической и религиозной идеи особенно ярко проявляется на психологическом, личностном уровне. Религиозный человек отдает себя полностью во власть Бога, не мыслит своей жизни и вообще бытия вне него. Через Бога он соединяется с другими людьми, разделяет с ними один жизненный путь, одну судьбу. Однако, в принципе, Бог — это тайна, его замыслы непостижимы. Сценарий страшного суда и второго пришествия Христа в этом смысле уже компромисс, когда случится это событие, никто не знает, кроме того, Бог может изменить свои провиденциальные планы. Религиозный человек сознает себя в первую очередь не личностью, а рабом божьим и членом собора верующего народа. Зато такой человек чувствует за своими плечами поддержку и Бога, и народа, он черпает свои силы и энергию не столько у себя, сколько из трансцендентального и бесконечного. Эзотерическая личность, напротив, одинока, это пионер, отваживающийся на опасное плавание по бурному морю. Он может рассчитывать только на свои силы. Эзотерический человек, как верно заметил один исследователь, «охвачен историческим нетерпением», его не устраивает спасение в неопределенной перспективе в Боге и со всем народом. Он основывает дело своей жизни на собственной свободе и инициативе. Где же он черпает силы и уверенность в своем предприятии? Ведь за ним не стоят Бог и народ, он верит только в себя. Силы дает знание, эзотерическое учение — уверенность, что существуют законы, следуя которым можно проникнуть в эзотерический мир. Наконец, силы дают страсть, ощущение своей избранности (не Богом, а самим бытием), ощущение своей индивидуальности. Только так можно понять странные для верующего человека признания Элоизы: «Во всю свою жизнь,— пишет она Абеяру,— что бы ни происходило, я больше боюсь обидеть тебя, чем Бога; больше жажду угодить тебе, чем ему. Я стала монахиней не ради божественной любви, а по твоей воле... Бог ведает, что я точно так же, ничуть не сомневаясь, по твоей воле последовала бы за тобой или упредила бы тебя, даже если бы ты поспешил во владения Вулкана¹⁷. Подобным образом может рассуждать лишь человек, который ассимилировал в своей индивидуальности божественное начало, в котором проснулось достоинство, превышающее даже страх смерти. В европейской истории одним из первых здесь был Сократ. «И вот, мои судьи,— говорит Сократ, завершая свою знаменитую защиту,— не следует ожидать ничего плохого от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах. И моя участь сейчас определилась не сама собой,¹⁸ напротив, для меня ясно, что мне лучше умереть и избавиться от хлопот».

¹⁶ Ср.: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой,— писал Достоевский,— невозможно. Закон личности на земле связывает. «Я» препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек... закон «Я» сливается с законом гуманизма и в слитом оба, и «Я» и «ВСЕ», взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо. Это-то и есть рай Христов». Бурсов Б. Личность Достоевского. Л., 1974, с. 163.

¹⁷ Б а т к и н Л. Указ. соч., с. 152.

¹⁸ Платон. Апология Сократа. Соч., т. 1, с. 112.

От эзотерической личности к эзотерической культуре

Сократ и Элоиза были эзотерическими личностями, так же как Христос и Будда. Но вот что интересно, за каждой крупной эзотерической личностью тянутся шлейфы интерпретаций, легенд и споров. Более того, ряд исследователей показывают, что хотя соответствующие исторические фигуры (Христос, Будда, Сократ, Элоиза и т. д.), конечно, существовали, так же как существуют и соответствующие — написанные или произнесенные ими — эзотерические тексты, тем не менее основное содержание и в тексты, и в понимание их творцов внесли последователи этих учений, а также философы и ученые, исследовавшие их, короче — культура. Например, М. Рожанский показал, что даже в античности о Сократе фактически было мало что известно, а все сведения о нем и целая философия были ему приписаны его последователями, объединившимися в сократические школы. При этом каждая школа приписывала Сократу именно те идеи, которые она развивала, и поступки, которые одобряла. В результате фигура Сократа выглядит весьма противоречивой. В известном исследовании Ж. Э. Ренана личность Христа также больше продукт отношения окружающего его общества и культуры, чем поступков или высказываний самого исторического прототипа. Толкования жизни, высказываний и поступков Будды почти бесконечны, так же как и переписка Элоизы с Абеляром за несколько веков обросла многочисленными комментариями.

В связи с этим возникает вопрос, кто же такой эзотерик: реальная историческая личность или же идеальная культурная конструкция, представляющая собой желаемые и замышляемые особенности «идеального эзотерика», идеального индивида (естественно, что разные эзотерические группы желают видеть в своем учителе разные достоинства, отвечающие их идеальным устремлениям)? Хочется ответить: и то и другое. Эзотерическая личность — это не только реальный человек, но также идеальная культурная конструкция, некоторое событие (события) в культуре и для культуры. Очевидно, чтобы высказывания Христа, Будды, Сократа или Элоизы стали эзотерическими, нужно было, чтобы они стали событием для определенного сообщества, чтобы пример этих странных людей, их деяния и мысли, сама их жизнь сделались заразительными, давали ответ на еще неосознанные или полуосознанные индивидуальные или групповые устремления, проливали некий свет, являлись источником энергии, изменения, действия.

Может показаться, что интерес в данном случае односторонний: эзотерической личностью интересуются многие, а она теми, кто ею интересуется — нет; для последователей эзотерической личности она событие, а для самого эзотерика? Если эзотерическая личность рассчитывает только на свои силы, представляет собой одинокую гордую индивидуальность, то, казалось бы, зачем ей остальные люди, даже последователи и ученики? И верно, легенды о Будде рисуют один весьма пикантный эпизод. Когда Возвышенный (Будда) открыл путь спасения (следование истинному учению, отказ от желаний и т. д.), сначала он не пожелал сообщать другим людям своего открытия, аргументируя это тем, что не поймут его и он только зря потратит силы и утомится¹⁹. Потребовалось неоднократное вмешательство бога Брахмы

¹⁹ Одна из легенд свидетельствует, что когда Будда открыл знание, он подумал: «Если я возвещу теперь учение и не поймут меня, я только истощу свои силы, я только истомлюсь напрасно. И пришло в голову Возвышенного, не поразив его, это изречение, которого до тех пор никто не понимал:

Зачем возвещать миру то, чего я достиг в тяжелой борьбе?

Истина остается скрытой для того, кого наполняет желание и ненависть.

Трудно это, таинственно, глубоко, сокрыто от грубого чувства;

Не может на это смотреть тот, у кого земное влечение тьмой окутало чувства. Когда подумал это Возвышенный, склонилось его сердце к тому, чтобы пребывать в покое и не проповедовать учение». См. Ольденбург Г. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1905.

Сагампети, чтобы уговорить Возвышенного изменить свое решение и поделиться с людьми открытой тайной. Правда, в дальнейшем Будда быстро исправляется: он не только учит монахов, но даже, достигнув в возрасте 36 лет знания Нирваны, не прекращает своего бытия еще 44 года, чтобы передать это знание своим ученикам и последователям. Оказывается, что эзотерическая личность все-таки должна быть обращена к другим людям, прежде всего к своим ученикам и последователям; хотя это и необязательно, но, как правило, она должна передать свой опыт жизни другим, рассказать им о своем пути, т. е., другими словами, создать школу, выступить учителем. В рамках эзотерической школы и коммуникации фигура гения эзотеризма или просто крупной эзотерической личности выглядит весьма внушительно. У учителя черпают энергию, уверенность, он открывает силы, поясняет особенности пути. По сути, учитель олицетворяет саму эзотерическую реальность, это живой пример, носитель ее. Поэтому всё, абсолютно всё, что он говорит, имеет глубокий смысл, смысл самой истины. Обычный последний аргумент последователей эзотерической доктрины: «он так сказал» (Христос, Будда, Сократ, Штейнер и т. д.). Дело тут не в авторитарности (каждый последователь и ученик свободны, так же как и их учитель), а именно в том, что в учителе воплощена сама реальность. Реальность же не может ошибаться.

Возникает вопрос: оправданы ли невероятные усилия гениев эзотеризма, не задавили ли они в себе другие человеческие начала, нужно ли другим людям идти таким путем? С одной стороны, автор понял, что эзотерическая культура стимулирует становление религии, связана с определенным типом индивидуальности, через нее идет развитие культуры в целом. С другой стороны, эзотерическая культура в своих предельных формах выключает человека из *большой* культуры, ведет к отчужденности и узости, когда эзотерическое сообщество уже не видит и не признает ничего, кроме себя и своей реальности.

Признавая все это, автор все же надеется, что осмысление эзотерической культуры будет способствовать более органичному ее включению в *большую* культуру, лучшему пониманию эзотерической личности.